

А.А. ЕГОРОВ

КОММУНИКАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА: АНАЛИЗ И АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ПРОЧТЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам понимания права в контексте коммуникативной теории права советского и российского правоведа А.В. Полякова. Исследуются тезисы, составляющие суть его коммуникативной теории права. На основе обращения к достижениям дореволюционной и советской юридической науки оценивается научная состоятельность этих тезисов и формулируется их альтернативное видение.*

***Ключевые слова:** право, государство, социальная коммуникация, правовой текст, эйдос права, правовые ценности, психическое принуждение, физическое принуждение, правосознание.*

COMMUNICATIVE THEORY OF LAW: ANALYSIS AND ALTERNATIVE INTERPRETATION OF THE MAIN PROVISIONS

***Abstract.** The topic of the article concerns the issues of understanding law in the context of the communicative theory of law by the Soviet and Russian jurist A.V. Polyakov. The theses that make up the essence of his communicative theory of law are investigated. Based on the appeal to the achievements of pre-revolutionary and Soviet legal science, the scientific validity of these theses is assessed and their alternative vision is formulated.*

***Keywords:** law, state, social communication, legal text, eidos of law, legal values, mental coercion, physical coercion, legal awareness.*

В условиях формирования новой российской государственности в целом и ее правовой системы в частности актуализируется интерес к фундаментальным основам юридической науки. Отечественная политико-правовая мысль находится в состоянии поиска собственной идентичности. В рамках советского правоведения безраздельно господствовал нормативистский тип понимания права, согласно которому право трактовалось сугубо как приказ государственной власти. Формирование постсоветского общества и утверждение идеологического плюрализма побудило правоведов разрабатывать новые, нетрадиционные для советского менталитета подходы к пониманию права. В этом контексте все более отчетливо прослеживается

ЕГОРОВ Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

желание исследователей соединить лучшие черты традиционных нормативистских постулатов с передовыми достижениями зарубежной политико-правовой мысли, то есть предложить интегративные или комплексные типы понимания права.

Право представляет собой сложное, многогранное явление, имеющее множество измерений: аксиологическое, конкретно-историческое, собственно-юридическое, и так далее. Следовательно, в рамках какого-то одного подхода невозможно всесторонне выразить и оценить феномен права. Таким образом, интегральный подход к пониманию права предполагает диалог между различными направлениями и школами в современном теоретическом правоведении. В контексте отечественного опыта это устремление выразилось в разработке так называемых «новых теорий права».

Одним из наиболее обсуждаемых и дискутируемых сегодня направлений интегративного понимания права является подход, предложенный профессором кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского университета Андреем Васильевичем Поляковым. В рамках этого подхода, названного автором коммуникативным, право рассматривается в контексте социальной коммуникации как необходимое условие возникновения, существования и развития любого социума.

На сегодняшний день в отношении коммуникативной теории права А.В. Полякова сформулированы по сути две категоричные оценки: безапелляционная поддержка, мотивируемая тем, что до научных изысканий автора никто и никогда не связывал понимание права с идеей социальной коммуникации; непримиримая критика на основе апеллирования к самоочевидности или общеизвестности тезисов, составляющих суть данной теории. В этой связи целесообразной видится непредвзятая оценка, основанная на выявлении возможных теоретических недостатков концепции Полякова и формулирования альтернативного видения постулатов коммуникативной теории права.

* * *

Правовая наука развивается во всем мире, активно издается юридическая литература, и каждый автор стремится ее чем-то обогатить. Не вызывает сомнения, что приращение научного знания, расширение научных горизонтов познания и понимания права обусловлены общественным прогрессом и необходимы для каждого социума и всего мирового сообщества в целом. В этом смысле появление «новых теорий права» можно квалифицировать как признание исключительного интеллектуального и научного потенциала отечественных правоведов. Одновременно существует и диаметрально противоположная точка зрения, согласно которой в «новых теориях права» нет ничего принципиально значимого или авторского, а их суть сводится к компиляции и терминологической переработке постулатов классических типов понимания права.

«На деле большинство нетрадиционных (неклассических) подходов к пониманию права оказывается разновидностью вполне традиционных социолого-позитивистских представлений о праве, изложенных в терминах какой-либо постмодернистской философской парадигмы», — пишет Н.В. Варламова [1, с. 89].

По мнению О.В. Мартышина, эти «самопровозглашенные теории» (наподобие самопровозглашенных государств) заняли место в юридической литературе только благодаря отсутствию принципиальной критики и дискуссий, то есть благодаря равнодушию и безучастности специалистов [2, с. 282]. При всем уважении к позиции заслуженного отечественного правоведа О.В. Мартышина отметим, что его аргументы отрицания всех «новых теорий права», включая коммуникативную теорию, сводятся сугубо к самоочевидности и общеизвестности тезисов этих теорий. Он не предлагает собственного видения постулатов этих теорий для преодоления их возможных сущностных недостатков, используя, по сути, фигуру умолчания на этот счет.

Представляется, что любая конструктивная критическая оценка должна иметь теоретическую и практическую значимость, отражать существующие или прогнозируемые закономерности права и государства. Именно в таком ключе необходимо пересмотреть сформулированные более двадцати лет назад тезисы, составляющие суть коммуникативной теории права А.В. Полякова.

В апреле 2002 года в рамках расширенного заседания кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского университета состоялось обсуждение курса лекций А.В. Полякова «Общая теория права», в котором была изложена суть его «коммуникативной концепции». В своем вступительном слове разработчик курса акцентировал внимание слушателей на двух основополагающих моментах: развитие правовой теории предопределяет необходимость обоснования новых вариантов понимания права; основой для создания им курса стала проблема обоснования «собственного видения права» [3, с. 13, 6]. Он идентифицировал свою теорию как один из важных вариантов интегрального правопонимания [4, с. 9]. В адрес Полякова прозвучало достаточно много восторженных оценок.

Д.И. Луковская и Е.В. Тимошина категорично назвали коммуникативную теорию права наиболее разработанным вариантом интегрального правопонимания [9, с. 6]. М.А. Капустина отметила, что коммуникативная концепция является вполне аргументированным вариантом интегрального типа правопонимания [3, с. 45]. И.Л. Честнов и вовсе заявил, что «блестящий знаток российской правовой мысли А.В. Поляков на наших глазах (с точки зрения стороннего наблюдателя) превратился в одного из крупнейших теоретиков права, предложившего свою оригинальную версию онтологии права...» [3, с. 58].

Не полемизируя ни с кем из указанных авторов, попытаемся в рамках культуры научной дискуссии переосмыслить основные положения этой

теории. Целесообразно двигаться от общего к частному и начать с авторского определения понятия права.

А.В. Поляков пишет: «...право как тотальная и синергийная интересубъективная социокультурная реальность, рассматривается в коммуникативно-деятельном, ценностном, семиотическом и психологических аспектах и соответственно онтологически интерпретируется и феноменологически описывается как *многоединство, включающее в себя как нормы, так и правоотношения, как ценности, так и правосознание, как правовые тексты, так и деятельность по их интерпретации и претворению в жизнь*» (курсив мой. — А.Е.) [17, с. 6–7]. Форма и содержание данного определения заслуживают пристального внимания. На основе использования исторического метода (в данном случае речь идет об изучении доктринальной мысли в контексте ее временного развития) вкупе с логическим методом (применение аналогии с подходами других исследователей) представляется возможным оценить новизну и научную ценность этой дефиниции.

Внимательный анализ части определения, выделенной курсивом, вольно или невольно отсылает нас к позиции известного отечественного правоведа Г.В. Мальцева, который еще в 1989 году писал: «Право... есть совокупность норм, идей и отношений, которая устанавливает поддерживаемый средствами власти порядок организации, контроля и защиты человеческого поведения» [11, с. 7].

Данное традиционное интегративное понимание права как норм, идей и отношений даже в то время не могло претендовать на новизну. То обстоятельство, что Мальцев связывал эту совокупность норм, идей и отношений с государственной властью, объясняется тем, что он находился под влиянием доктрины советского нормативизма. Кроме того, требует осмысления отождествление права с тотальной реальностью.

Закон тождества, применяемый в формальной логике и заключающийся в том, что всякое суждение влечет (имплицитно) само себя, позволяет сделать вывод, что право является единственным социальным регулятором в обществе. Это обстоятельство порождает логическую ошибку, так как наряду с правом общественные отношения регулируются обычаями, моралью, религией и иными социальными нормами. В этом контексте постулат Полякова при его буквальном истолковании (с учетом отсутствия авторских пояснений) представляет собой ярко выраженный теоретический недостаток.

В свою очередь понимание права как многоединства в контексте системно-структурного метода (изучение государственно-правовых явлений как цельной системы и иерархической структуры) свидетельствует о теоретическом изъяне, характерном для всех вариантов интегрального понимания права. Речь идет о том, что любой вариант интегрального понимания права строится на сочетаниях отдельных положений классических типов понимания права, что неизбежно порождает коллизии

и даже антагонизмы. В данном случае уместно вспомнить такой прием формальной логики как сходство и аналогия, который позволяют выявить указанные изъяны. Наконец, излишним видится включение в дефиницию ценностей, как самостоятельной категории наряду с правосознанием, так как правосознание — это восприятие права, а не составной элемент права. Таким образом, дефиниция Полякова — это традиционное интегративное понимание права как норм, идей и отношений, отягощенное как нераскрытыми автором категориями (многоединство, тотальная реальность), так и неуместным включением ценностей и правосознания как самостоятельных категорий.

Следовательно, на основе использования дедуктивного мышления мы можем сформулировать более лаконичное коммуникативное определение: *право — это совокупность норм, идей и отношений, существующих и реализуемых в контексте социальной коммуникации*. В ходе упомянутого выше обсуждения курса лекций, Поляков сформулировал ряд тезисов, которые раскрывают суть его теории. Сразу оговоримся, что их исследование будет основано на сопоставлении с наработками классиков дореволюционной и советской теоретико-правовой мысли (которые по понятным причинам не могли оперировать современной терминологией, однако опосредованно выводили постулаты коммуникативной теории) вкуче с использованием современной методологии.

А.В. Поляков отмечает, что в условиях российского постмодерна развитие правовой теории требует обоснования новых вариантов понимания права, которые были бы принципиально отличны от «классических» образцов. При этом автор утверждает, что генезис отечественной дореволюционной правовой мысли и советской теоретико-правовой доктрины свидетельствуют о коммуникативной направленности правового дискурса в России [3, с. 13; 8, с. 8]. Как уже было выше отмечено, Г.В. Мальцев предложил классическое интегративное понимание права, отягощенное влиянием советского нормативизма. Более того, поиски интегративного понимания права были характерны для классиков дореволюционной политико-правовой мысли. Приведем некоторые тезисы, которые наглядно продемонстрируют наличие элементов философского понимания права в рамках классических типов понимания права.

Представитель отечественной естественно-правовой мысли А.П. Кунинцын (1783–1840), выражая идею, что праву одного человека соответствует обязанность другого человека, отмечал, что возможность защитить свои права продиктована законами разума и является, прежде всего, нравственной, а затем уже правовой [3, с. 154–155; 9, с. 14]. Классик нормативизма Г.Ф. Шершеневич (1863–1912) считал, что в случае придания нравственной норме юридической санкции данная норма, оставаясь этической, становится одновременно и правовой (например, установление юридической ответственности для родителей, развращающих детей) [10, с. 70; 11, с. 20].

Как мы видим, понимание права как принудительного правила поведения, установленного государственной властью, не мешало Шершеневичу мыслить в интегративном ключе.

Известный представитель социологического понимания права С.А. Муромцев (1850–1910) трактовал право как совокупность юридических отношений, а нормы — как атрибуты этих отношений [22, с. 10]. Применяя современный методологический инструментарий, можно сделать вывод, что он осознавал необходимость комплексного понимания права в контексте коммуникации, хоть и прямо не сформулировал этот тезис.

На этой основе мы можем несколько видоизменить и уточнить позицию Полякова: *закладывание основ актуальных сегодня вариантов интегративного правопонимания достаточно четко наблюдалось еще в трудах дореволюционных ученых, которые по объективным причинам не могли пользоваться коммуникативной терминологией*. Это уточнение принципиально важно, так как некорректным видится утверждение, согласно которому правовой дискурс имел коммуникативную направленность уже в дореволюционной России. Вне всякого сомнения, классики дореволюционной политико-правовой мысли опосредованно выводили комплексную природу права на основе его взаимосвязи с другими социальными нормами, но не могли ее конкретизировать именно в контексте коммуникативной теории.

Следующий тезис Полякова заключается в том, что право невозможно вне рамок социальной коммуникации. В свою очередь условием правогенеза (процесса возникновения права, его происхождения и становления как специфического социального явления) выступает не возникновение государства, а формирование психосоциокультурных реалий коммуникативной направленности, в которых объективируются правовые тексты, правовые нормы и правовые отношения [3, с. 13; 8, с. 9]. Конкретизируем этот тезис в части психосоциокультурных реалий как условия правогенеза.

А.В. Поляков отмечает, что возникновение, происхождение и становление права в качестве специфического социального явления (правогенез) детерминировано социопсихическими и социокультурными коммуникативными условиями [6, с. 203–234]. К первым условиям он относит следующие способности индивидуума: понимание идеального смысла правил должного поведения, выраженных в общеобязательных нормах; прямое или опосредованное признание этих правил поведения в качестве необходимого основания для своего внешнего поведения; самостоятельная реализация своих полномочий и обязанностей. Вторые условия образуют наличие в обществе текстуально объективированных, общезначимых и общеобязательных правил поведения, которые определяют права и обязанности членов социума и выступают в качестве общезначимых ценностей [6, с. 234–237].

Этот подход напрямую адресует нас к воззрениям классика психологической теории права Л.И. Петражицкого (1867–1931), который выводил право из человеческих эмоций. Он отмечал существование первичных эмоций

(биологические потребности человека) и бланкетных эмоций (поведение человека в обществе) [13, с. 717]. Не вызывает сомнения сходство этого подхода с социопсихическими и социокультурными коммуникативными условиями формирования права в рамках теории Полякова. Конечно, любой исследователь имеет полное право придерживаться научных позиций своих предшественников, однако в таком случае было бы некорректно об этом умалчивать. Следовательно, этот тезис следует изложить в следующей редакции: *правогенез определяется социопсихическими и социокультурными коммуникативными условиями, которые изначально были известны в отечественном правоведении как первичные и бланкетные эмоции в контексте психологической теории права Л.И. Петражицкого.*

В рамках тезиса, раскрывающего суть коммуникативной теории права, автор утверждает о возможности существования права без государства и невозможности существования государства без права. Он интерпретирует государство как специализированный социальный институт, в контексте которого право приобретает специфическую институциональную форму выражения (текстуальную и организационную) [3, с. 13; 8, с. 9]. Проанализируем этот тезис в контексте исторического метода.

Общеизвестно, что нормы обычного права (неписаного и основанного на обычаях) существовали еще в эпоху первобытной общины. В научной литературе укоренилась идея мононорм, то есть единых правил поведения, сочетающих в себе прообразы религии, морали и права [14, с. 204]. Т.В. Кашанина отрицает концепцию мононорм, мотивируя свою позицию тем, что неразвитое сознание первобытного человека не могло ее воспринять, да и сама эта концепция не могла существовать в силу отсутствия в то время «первобытных исследователей» [15, с. 215–216].

Но даже если согласиться с тем, что концептуального оформления этой идеи в первобытной общине быть не могло, оспаривать существование там норм обычного права было бы нелогично. С точки зрения формальной логики, формулировка Полякова некорректна, так как при ее буквальном истолковании может возникнуть теоретическая неточность в виде отождествления понятий «право» и «позитивное право». Они соотносятся как целое и часть. Хорошо известно, что наряду с позитивным правом (законы и подзаконные акты) существуют еще и обычное право (неписаное право, основанное на обычаях), божественное право (основанное на теологии), естественное право и так далее. Таким образом, этот тезис следует изложить так: *обычное право существовало еще на догосударственном этапе, а позитивное право создается государством, которое не может существовать в отрыве от него.*

Другие три тезиса теории А.В. Полякова посвящены понятию правового текста, его отличию от нормы права и их взаимодействию. По его мнению, правовой текст — это опосредующая правовую коммуникацию система знаков, интерпретация которых порождает тот или иной правовой смысл,

направленный на регулирование поведения субъектов посредством определения их правомочий и обязанностей [3, с. 13–14; 8, с. 9]. На уровне индуктивного умозаключения не вызывает сомнения обстоятельство, что текст любого правового документа имеет знаковое выражение, интерпретация которого образует правовой смысл.

Поляков отмечает, что существуют как внетекстуальные источники права (интерсубъективная деятельность членов общества, в рамках которой находят свою реализацию различные человеческие потребности), так и текстуальные источники права (мифы, правовые обычаи, судебные прецеденты, судебная и административная практика, правовая практика, правовые доктрины, священные книги, правовые договоры, законы и подзаконные акты) [6, с. 623–658]. Существование внетекстуальных источников права без труда выводится посредством применения исторического метода (например, источники римского права древнейшего периода были устными, а затем по мере развития общества приобретали письменный характер). Этот тезис можно изложить в следующей редакции: *правовая коммуникация опосредуется правовым текстом как знаковой системой, имеющей правовой смысл, направленный на регулирование поведения субъектов права путем определения их прав и обязанностей.*

Суть другого тезиса состоит в том, что необходимо отличать правовой текст от правовой нормы, так как правовая норма находится не в тексте, а в психосоциокультурной действительности [3, с. 14; 8, с. 9]. Психосоциокультурная реальность уже была уточнена на основе обращения к постулатам Л.И. Петражицкого. Целесообразно в данном случае изложить этот тезис в более четком виде: *норма права первоначально формируется в контексте социопсихических и социокультурных условий (первичных и бланкетных эмоций Л.И. Петражицкого) и в дальнейшем получает свою объективацию во внешнем мире в рамках правового текста, который не тождественен норме права.*

А.В. Поляков акцентирует внимание на том, что правовая норма конституируется не одним правовым текстом, а всей совокупностью правовых текстов данной культуры, интерпретация которых легитимирует и конкретизирует правовые возможности и обязанности субъектов [3, с. 14; 4, с. 9]. Этот тезис прямо адресует нас к признаку системности права. Очевидно, что право как системное образование не может конституироваться отдельным правовым текстом, так как нормы права существуют в тесной взаимосвязи. На основе использования приемов формальной логики в виде сходства и аналогии, а также системного (изучение права как совокупности элементов, расположенных в определенной последовательности) и исторического методов можно сделать вывод, что это осознание в завуалированном виде существовало еще во второй половине XVIII века.

В частности А.Н. Радищев (1749–1802) выделял следующие виды законов: государственные законы (права и обязанности власти и населения);

гражданские законы (лица, вещи и соответствующие деяния); уголовные законы (противозаконные деяния) и законы, «служащие к восстановлению общего мнения» (воспитание детей и уважение законов) [16, с. 166]. Таким образом, тезис можно изложить следующим образом: *системность права определяется наличием совокупности правовых текстов, которые конституируют нормы права, находящиеся в тесной взаимосвязи друг с другом.*

Два тезиса А.В. Полякова посвящены эйдосу права. Он полагает, что эйдос права находит свое выражение в структуре права, которая представляет собой коррелятивную связь правомочий и правообязанностей. Правомочие образует эйдетический центр права. Это та точка, из которой «расходятся лучи правового смысла» [3, с. 14; 6, с. 9–10]. Что же понимать под эйдосом права?

Во время обсуждения вышеобозначенного курса лекций Л.Б. Ескина, судя по всему имея в виду формально-юридический метод, справедливо отметила, что термин «эйдос» неоднозначно трактуется в словарях (вид, образ, явление, сущность); это не позволяет читателям осознать, какой смысл автор вкладывает в это понятие [3, с. 28]. В ответ на это замечание Поляков заявляет, что с таким же успехом эту претензию можно было бы адресовать лично Э. Гуссерлю за то, что он подменяет давно разработанное К. Марксом понятие сущности права каким-то эйдосом, значение которого «темно и неясно».

По мнению Полякова, значение термина «эйдос» не нужно искать в словарях и энциклопедиях, а следует обратиться к его феноменологическому значению, то есть к теории Э. Гуссерля [3, с. 109–110]. Поскольку мы не получили прямого ответа на вопрос, что автор вкладывает в этот термин, будем трактовать данное понятие по смысловой нагрузке его тезисов как сущность права.

Размышляя в ключе индукции, можно прийти к выводу, что автор в качестве тезисов своей теории отмечает два обстоятельства: всякому субъективному праву корреспондируется та или иная юридическая обязанность; субъективное право (правомочие) является основой при реализации права. Представляется, что здесь он воспроизводит классические постулаты теории правоотношения, которые были известны задолго до его теории. На основе использования таких логических приемов сходства и аналогии, а также сравнительно-правового метода мы можем проиллюстрировать верность этого умозаключения.

Например, уже упомянутый классик дореволюционной школы юридического позитивизма Г.Ф. Шершеневич писал, что в любом юридическом отношении «могут быть обнаружены всегда право и обязанность». Любое юридическое отношение устанавливается ради того, что «один человек приобретает право требовать, чтобы другой содействовал ему или не препятствовал в осуществлении его интереса, а другой обязывается к тому» [17, с. 143]. Таким образом, тезис следует сформулировать так: *коммуникативная сущность права выражается в корреспондирующем характере прав*

и обязанностей при главенствующей роли субъективного права, которое выступает основой при реализации права.

Еще один тезис теории А.В. Полякова заключается в том, что понимание права как специфического феномена возможно лишь при наличии социально значимого нормативного содержания, интерпретируемого социумом как ценность, что придает правовым притязаниям правомерное значение [3, с. 14–15; 6, с. 10]. Здесь автор воспроизводит классическое понимание нормативности как универсального признака права. В этом контексте уместно провести аналогию с точкой зрения Г.В. Мальцева, согласно которой нормативность является универсальным и глубинным качеством права, так как норма характерна как для древнего обычая, так и для современного закона [7, с. 7]. В данном случае Мальцев лишь констатирует общеизвестную истину. Можем изложить этот тезис следующим образом: *нормативность — это универсальное свойство права, имеющее ценностную природу и основанную на ней социальную значимость, что придает поведению субъектов права правомерный характер.*

Далее Поляков формулирует тезис, по которому правовые ценности могут иметь как эйдетический (общий) смысл, так и социокультурное (конкретное) значение [6, с. 10; 3, с. 15]. В силу того, что речь идет об анализе тезиса конкретной теории права, проведем логическую аналогию и поясним это умозаключение на примере политико-правовой мысли в России. В данном случае целесообразно использовать исторический метод и аксиологический метод (анализ правовых элементов в качестве ценностных ориентиров).

Осознание того, что право должно выражать одновременно как общечеловеческие, так и конкретно-исторические ценности, существовало еще в период зарождения теоретико-правового знания. В свое время первый русский профессор права С.Е. Десницкий (1740–1789) предложил свой проект государственных преобразований в России, суть которого сводилась к необходимости разделения властей; созданию законодательной власти, «судительной» (осуществление правосудия), «наказательной» (исполнительная власть) и гражданской властей (прообраз местного самоуправления); подчиненности всех ветвей власти монарху [19, с. 98–105].

Таким образом, разделение властей следует признать правовой ценностью общего значения, а подчинение всех ветвей власти российскому монарху — социокультурным измерением этой общей правовой ценности. Общее и социокультурное значение той или иной правовой ценности не исключают, а дополняют друг друга. Можно сформулировать тезис так: *любая правовая ценность имеет как общий (универсальный) смысл, так и социокультурное (конкретное) значение.*

А.В. Поляков выдвинул тезис о том, что для права характерно психическое принуждение к соблюдению нормативных правил, которые вытекают из правовых текстов. В свою очередь возможность физического принуждения

имеет ограниченный характер и воплощается в правоохранительном механизме государства [6, с. 10; 8, с. 15].

На основе логического метода аналогии, исторического и сравнительно-правового методов мы приходим к выводу, что сама идея психического принуждения четко прослеживается опять же в трудах Л.И. Петражицкого, который выводил право из человеческих переживаний (эмоций), то есть созданию нормы права предшествует психическое сознание в ее необходимости [13, с. 716–718]. Значит, осознание на подсознательном уровне необходимости в создании нормы права в дальнейшем проявляется в соблюдении ее даже на подсознательном уровне, то есть выступает психическим принуждением.

Что же касается ограничительного характера физического принуждения к соблюдению нормы права, это обстоятельство нашло свое выражение в частности в трудах Г.Ф. Шершеневича, по мнению которого даже государство не может силой заставить гражданина выполнить то, что составляет содержание установленных законодательством норм права: «Если я не хочу исполнить договора, то нет силы в мире, которая могла бы меня принудить действовать вопреки моей воле» [20, с. 15]. Опираясь в том числе и на данное высказывание, можно сформулировать следующий тезис: *изначально право основывается на психическом принуждении, а в случае несоблюдения права задействуется правоохранительный механизм государства, имеющий законодательно ограниченные меры физического принуждения.*

А.В. Поляков утверждает, что право невозможно вне своего действия, под которым понимается его системное функционирование [6, с. 10; 8, с. 15]. По сути дела, если провести логическую аналогию и использовать сравнительно-правовой метод, то становится очевидным, что в этом тезисе автор имеет в виду понимание действия права как совокупности всех форм проявления его юридической силы.

Данное определение обнаруживается и у В.С. Нерсесянца [21, с. 475]. Можно предположить, что между совокупностью всех форм проявлений юридической силы права и его системным функционированием нет принципиальной разницы. Здесь теоретический недостаток в том, что Поляков игнорирует статический аспект права, который сопутствует его динамическому аспекту. Создается иллюзия, что право существует только тогда, когда оно непосредственно функционирует. Вместе с тем на практике наличествует такая форма реализации права как соблюдение, подразумевающее пассивное поведение субъектов, которые, тем не менее, находятся в рамках правового поля. И здесь можно сформулировать тезис более корректно: *действие права — это его системное функционирование, образующее динамический аспект права, который существует наряду с его статическим аспектом.*

Последний тезис теории А.В. Полякова сформулирован как невозможность существования права, как вне сознания социальных субъектов, так

и вне правосознания, которое не может отождествляться с правом [6, с. 10; 3, с. 15]. Невозможность отождествления права с правосознанием без труда иллюстрируется на основе логического приема сравнения таких понятий как «право» и «правосознание».

Правосознание — это одна из форм общественного сознания, представляющая собой совокупность идей, чувств, настроений, представлений, взглядов, выражающих отношение к праву. Очевидно, что совокупность представлений о каком-либо явлении не может отождествляться с самим этим явлением. В противном случае мы могли бы сделать логически абсурдный вывод, что научная абстракция (теоретические представления о каком-либо явлении) подменяют собой само явление объективной реальности. Таким образом, последний тезис можно изложить в следующей редакции: *право изначально проходит через сознание социальных субъектов, в рамках которого формируется определенное отношение к праву, то есть правосознание, которое не тождественно самому праву.*

* * *

В заключение отметим, что существуют различные оценки коммуникативной теории права Полякова. Сам автор идентифицирует свою теорию как «новой взгляд на право», мотивируя эту оценку тем, что ранее в российской науке право напрямую не связывалось с идеей коммуникации [18, с. 8]. Д.И. Луковская и вовсе считает заслугой Полякова создание оригинальной правовой теории с собственным именем, с собственной родословной, занимающей особое место в теории права [5, с. 8]. Существуют и уже отмеченные отрицательные характеристики как «новых теорий права» в целом, так и исследуемой теории в частности. Несмотря на дискуссионный характер отдельных положений коммуникативной теории права А.В. Полякова она заслуживает внимания в контексте попытки автора обосновать собственный вариант интегрального понимания права. Как творческая и самостоятельная концепция, она не лишена определенных теоретических недостатков, в которых усматриваются и спорные моменты, и резервы для дальнейшего совершенствования. Развитие научной мысли напрямую определяется готовностью исследователей не просто безапелляционно отвергать те или иные дискуссионные теории права, а на основе конструктивной критики переосмысливать их положения, имеющие как теоретическое, так и прикладное значение.

Список литературы

1. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М., 2010.
2. Мартышин О.В. Философия права. М., 2020.
3. Коммуникативная концепция права: вопросы теории. Обсуждение монографии А.В. Полякова. СПбГУ. Юридический факультет. 2003.

4. Поляков А.В. Общая теория права. Феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций. СПб., 2003.
5. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции. К 60-летию А.В. Полякова. Т. 1. СПб., 2014.
6. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. М., 2023.
7. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1989.
8. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2002.
9. Куницын А.П. Право естественное. Санкт-Петербург, 1818.
10. Шершеневич Г.Ф. Определение понятия о праве. Казань, 1896.
11. Егоров А.А. Соотношение нравственности и права в трудах Г.Ф. Шершеневича (1863–1912) // Труды Академии управления МВД России. № 2(66). 2023. С. 15–23.
12. Ющенко Н.В. Государственно-правовые взгляды С.А. Муромцева: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.
13. История политических и правовых учений: учебник / Под общ. ред. О.В. Мартышина. М., 2010.
14. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 1990.
15. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. Современные подходы и новые трактовки. М., 1999.
16. Радищев А.Н. Проект для разделения Уложения Российского // Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 3. М., Л., 1938–1954.
17. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве: лекции. М., 1911.
18. Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб., 2014.
19. Егоров А.А. Проект государственных преобразований в трудах С.Е. Десницкого // Труды Академии управления МВД России. № 3(55). 2020.
20. Шершеневич Г.Ф. О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. Воронеж, 2018.
21. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999.